
МНПО – СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ПУБЛИЧНОГО ИЛИ ЧАСТНОГО?

Х.М. Джантаев

Центр исследований экономических проблем СНГ
Совет по изучению производительных сил (СОПС) РАН
ул. Вавилова, 7, Москва, Россия, 117997

Опираясь на труды ведущих отечественных цивилистов и соответствующие международно-правовые документы последних лет, автор раскрывает характер и природу отношений, регулируемых так называемыми коллизионными нормами международного частного права. После чего сравнивает их с правоотношениями, составляющими предмет деятельности международных неправительственных организаций. Такой подход позволяет ему привести веские доводы в пользу их международной правосубъектности.

Ключевые слова: международное публичное право, международное частное право, НПО, МНПО, субъект права, «иностранный элемент», гражданско-правовые отношения, коллизионные нормы, ТНК, источники финансирования, источники финансирования деятельности.

«...НПО являются альтернативой
правительствам в решении сложных проблем
(по сути – это частные организации,
однако по целям – публичные)» [26].

Возвращение России в лоно романо-германской правовой семьи, после отказа от социалистической модели права, потребовало известного переосмысления классической теории деления права на публичное (*jus publicum*) и частное (*jus privatum*).

В свою очередь, этот процесс коснулся и взаимоотношений международного публичного и международного частного права, о чем свидетельствует заметный рост числа научных исследований последнего времени, посвященных вопросам, возникающим на стыке этих двух научных дисциплин. Причиной нашего обращения к извечной проблеме «великой дихотомии», вслед указанным автором, послужила попытка разобраться в правомерности отнесения отечественными авторами международных неправительственных организаций (МНПО) к категории «эксклюзивных» субъектов международного частного права.

В контексте новых подходов к исследованию всего комплекса проблем, связанных с МНПО, и мотивации нашего к ним интереса особого внимания заслуживает вопрос о международной правосубъектности этих институций – одного из самых актуальных на сегодняшний день вопросов науки международного права.

В середине XX в., когда в мире начался стремительный рост числа МНПО, вопрос о международной правосубъектности данных институций еще не был предметом исследования отечественной доктрины международного права. Феномен НПО к тому времени еще не столь явственно проявил себя, чтобы в научной среде о нем успело сложиться адекватное представление. Соответственно, и отношение к «новичку» было, не в пример сегодняшнему, – более чем настороженным, чему в немалой степени способствовала атмосфера холодной войны с ее идеологическим и политическим противостоянием государств двух разных социальных систем. Отечественных ученых в тот период больше занимал вопрос о международной правосубъектности межправительственных организаций (включая ООН), который, после не в меру затянувшейся дискуссии, окончательно был решен лишь к концу второй трети минувшего века.

В силу этих причин отечественная наука международного права долгое время не включала в сферу своего исследования эту, «самую значительную, в количественном отношении, часть международных организаций, поскольку указанные организации, по общему мнению, не обладали международной правосубъектностью» [20. С. 40].

Данное положение было зафиксировано и в 6-томном Курсе международного права той поры: «вопроса о международной правосубъектности многочисленных неправительственных организаций, создаваемых отдельными лицами или их объединениями, не возникает... Применительно к проблеме международной правосубъектности речь может идти, как справедливо считают все советские юристы, лишь о межгосударственных, созданных соответственно по соглашению между государствами, международных организациях» [9. С. 158].

Потом, с легкой руки К. Кольяра [7. С. 472], всего лишь отметившего, не вдаваясь в детали правового статуса, частный характер членства МНПО, все заговорили вдруг, в том числе и со ссылкой на Кольяра, о том, что МНПО – субъекты международного частного права. Иногда создается впечатление, что к подобному шагу наших коллег подталкивало желание выбрать из двух зол меньшее: лучше признать МНПО субъектами международного частного права, чем отрицать их какую бы то ни было международную правосубъектность.

Так, даже Е.А. Шibaева, признанный отечественный специалист в области права международных организаций, заявила, в духе своего времени, что: «международные неправительственные организации не являются... субъектами международного права. Они – субъекты международного частного права» [24. С. 15].

И хотя отдельные ученые, в частности И.И. Лукашук [11; 13; 25], Г.И. Морозов [18. С. 296], уже в тот период отмечали наличие «определенных признаков» международной правосубъектности у неправительственных организаций, отрицание этого качества за рассматриваемыми институциями или отнесение последних к субъектам МЧП до конца минувшего столетия было преобладающим в отечественной науке международного права.

На неправомочность и даже опасность подобного отношения к рассматриваемой проблеме указала Т.Н. Нешатаева, подчеркнув настоятельную необхо-

димось преодоления ошибочных положений, обусловленных старыми нормативными подходами, закладываемыми в основу теоретической концепции международной правосубъектности в целом и применительно к международной правосубъектности МНПО в частности.

«В советской международно-правовой литературе по вопросу о правовом статусе МНПО были высказаны различные мнения, — отмечает Т.Н. Нешатаева, — от полного отрицания их международной правосубъектности до признания их субъектами международных правоотношений (но не субъектами международного права). В первом случае, вопреки очевидным фактам, МНПО не воспринимались как самостоятельный субъект права. Такая позиция фанатично поддерживалась представителями научной доктрины. Не приближало к истине исследования тех лет и то, что все ученые должны были отдавать дань максимализму идеологических требований» [19. С. 38].

Однако высказанные в указанную пору оценки МНПО «не соответствуют реальностям сегодняшнего дня, ибо в системе ООН МНПО действуют как субъекты международного права, обладающие ограниченным объемом правоспособности. Их правовой статус включает достаточно разнообразные права и обязанности, закрепленные в нормах международного права» [19. С. 38].

Учитывая изложенное, в соответствии с богатейшей международной практикой деятельности МНПО, постоянно избавляясь от политических штампов и идеологических фобий недавнего прошлого, отечественные ученые в последние десятилетия приложили немало усилий для выработки адекватного отражения международно-правового статуса, роли и места МНПО в системе современных международных отношений.

К настоящему времени наиболее влиятельные в мире межправительственные организации — ООН, Совет Европы, ОБСЕ и др. — вполне определились в своих отношениях с МНПО, повысив их статус до пределов, необходимых для плодотворного сотрудничества с ними на равноправной основе и призвав все другие межгосударственные организации последовать их примеру [2]. В 1986 г. Комитетом министров Совета Европы принята Конвенция «О признании правосубъектности международных неправительственных организаций», которая положила начало переносу вопроса о месте МНПО в системе современных международных отношений из теоретической плоскости в практическую.

Международная договорная практика НПО (в том числе и с участием Российской Федерации) дает все основания для того, чтобы признать рассматриваемые организации в качестве субъектов международного договорного права. Как отмечает И.И. Лукашук, «соглашения подобного рода встречались и в практике нашей страны, особенно в первый период существования советской власти» [12. С. 111–112].

Вот примеры недавних таких соглашений. 6 ноября 2003 г. в Риме заключено Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и НПО — Европейской полицейской организацией («Интерпол»). 24 июня 1992 г. в Москве подписано Соглашение между Правительством РФ и МККК о статусе Коми-

тета и его делегации (представительства) на территории Российской Федерации и др. За последние десятилетия данная НПО заключила подобные соглашения с шестидесятью странами.

«Нередки случаи, — отмечал профессор И.И. Лукашук, — когда соглашения между неправительственными организациями регулируют отношения, имеющие государственное значение» [12. С. 110–111]. Как отмечают авторы издания МККК: «Такие соглашения, безусловно, относятся к сфере международного публичного права. Подписавшие их государства тем самым признают, что МККК является субъектом международного права, и предоставляют ему льготы и привилегии, которыми обычно пользуются межправительственные организации» [17. С. 6]. Трудно после этого согласиться с тем, что НПО — субъекты международного частного права, а их соглашения — контракты в рамках международного частного права.

Особого рассмотрения из всех приведенных примеров заслуживает Соглашение от 19 марта 1993 г. между МККК и правительством Швейцарии о статусе и деятельности МККК на ее территории, в котором признается, что МККК является субъектом международного права и подтверждается его независимость от властей этой страны [17].

Общеизвестно, что МККК, являясь крупнейшей и авторитетнейшей международной организацией, состоит (это требование ее Устава) исключительно из граждан Швейцарии. Будучи учрежденной в конце XIX в. в этой стране, имея свой офис в Швейцарии, являясь, по сути, Швейцарской национальной НПО, МККК в данном соглашении выступает по отношению к собственной стране как абсолютно независимый субъект международного права. Это ли не подлинная независимость международной организации, наличие которой, по мнению отечественных ученых, безусловно свидетельствует о международной правосубъектности любой международной организации?

Казалось бы, все споры о международной правосубъектности МНПО должны уже безвозвратно уйти в прошлое и стать достоянием истории. Однако и в наши дни появляются работы, авторы которых по-прежнему отрицают международную правосубъектность этих организаций и причисляют их к субъектам международного частного права, как в старые добрые времена.

Сказанное со всей очевидностью подтверждает, что нигилистическое отношение к правосубъектности МНПО в отечественной юридической литературе еще не преодолено. До настоящего времени сохраняются известные предубеждения, сводящиеся к отрицанию этого качества у неправительственных организаций и к утверждениям о чрезвычайной сложности или невозможности установления общих признаков, характеризующих неправительственные организации различного уровня. Как справедливо отмечает А.Х. Абашидзе: «...некоторые учебники по международному публичному праву содержат устаревшую информацию по данной тематике» [1. С. 18].

Так, автор недавно вышедшего в свет фундаментального труда об основах деятельности Организации Объединенных Наций В.Н. Федоров высказал мне-

ние, что: «в отличие от международных межправительственных организаций, международные неправительственные организации не выступают субъектами международного права... являясь физическими и юридическими лицами частного права» [23. С. 892]. Это мнение целиком разделяет автор «Курса лекций» по международному публичному праву О.А. Кудинов [8. С. 34]. Л.Н. Галенская предлагает следующую, несколько усложненную формулу: «...МНПО не являются субъектами международного публичного права, но они — субъекты международного частного права, понимаемого в качестве права, регулирующего международные соглашения с участием не властных субъектов» [4]. Данного подхода, с теми или иными вариациями, не меняющими, однако, его сути, придерживается и ряд других авторов.

В свете изложенного нам представляется, что настала пора четко и однозначно определиться с вопросом о том, какое отношение имеют рассматриваемые нами субъекты международного публичного права к международному частному праву, чтобы в дальнейшем ни у кого не возникало мысли о том, что исследователи правовой природы МНПО никогда не заглядывали в учебники по международному частному праву и судят о категориях, нормах и институтах данной отрасли права понаслышке.

Прежде всего обратимся за разъяснениями к корифеям данной науки. По их авторитетному мнению, вопрос о том, что представляет собой международное частное право как отрасль права и как отрасль правоведения, может быть решен лишь исходя из предмета регулирования и, в конечном счете, из природы регулируемых МЧП общественных отношений, а также учитывая метод (методы) их регулирования.

Следуя такому теоретическому подходу, известный отечественный цивилист И.С. Перетерский еще на заре советской науки МЧП сформулировал исходную концептуальную позицию по этому вопросу [21], поддержанную и развитую в дальнейшем многими специалистами по МЧП и в наиболее обобщенном виде обоснованную применительно к современным условиям в трудах Л.А. Лунца [14].

В соответствии с этой позицией МЧП есть сфера международных гражданских отношений, то есть отношений гражданско-правового характера, возникающих в международной жизни.

Речь идет здесь прежде всего об имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношениях с участием организаций (юридических лиц) и граждан как субъектов внутреннего права, а не об отношениях, возникающих между государствами. Международный характер указанных гражданско-правовых отношений проявляется в наличии в их составе определенного международного или иностранного элемента [10. С. 62].

Наличие в составе данного отношения международного или иностранного элемента, не меняя юридического содержания отношения, предопределяет его связанность более чем с одним правовым порядком, порождает проблему «коллизии» отечественного закона и закона другого государства, поскольку одни и те же вопросы могут по-разному регулироваться в законодательствах разных

стран. Разрешению такого рода проблем и посвящены «коллизийные» нормы, исторически сложившиеся как основа международного частного права.

Возникновение таких норм, становление и развитие коллизийного права явилось, как отмечают цивилисты, реальным отражением интернационализации гражданского оборота, предполагающей необходимость признания отношений, законно возникших под действием одного государства, а также и за его пределами — в других государствах.

Решая проблему выбора права применительно к соответствующим видам отношений, каждая коллизийная норма, принятая данным государством, определяет, должно ли быть в данном случае применено отечественное или иностранное, но всегда гражданское, право, поскольку речь идет о регулировании именно гражданско-правовых отношений. Указывая, что «права и обязанности сторон по внешнеэкономической сделке определяются по законам места их совершения, если иное не установлено соглашением сторон», гражданское законодательство любой из сторон исходит из того, что предметом отсылки в этой коллизийной норме служат законы, определяющие права и обязанности сторон по сделке, то есть гражданское законодательство — отечественное или иностранное [10. С. 64].

При всей своей специфике сама коллизийная норма, образующая (вместе с той материально-правовой нормой, к которой она отсылает) подлинное правило поведения для субъектов регулируемого международного гражданского правоотношения, является гражданско-правовой нормой, а возможный спор между этими субъектами о подлежащем применению законе есть спор в рамках (и по поводу) гражданского права.

В силу суверенного равенства каждое государство обладает исключительным правом законодательного регулирования в пределах своей юрисдикции любых гражданско-правовых отношений, включая и установление коллизийных норм для тех отношений, в составе которых имеется международный или иностранный элемент. В силу этих прерогатив каждое государство имеет свою систему коллизийных норм, что позволяет нам говорить о российском, немецком, итальянском и т.д. коллизийном праве.

Необходимо отметить, что в сферу МЧП включаются и правоотношения, все участники которых принадлежат к одному государству, если объект (например, наследственное имущество или какой-либо другой) подлежащего регулированию правоотношения находится за рубежом или если юридический факт, порождающий, изменяющий или прекращающий правоотношение (смерть наследодателя, деликт и т.д.), возник в иностранном государстве.

Другой известный отечественный цивилист М.М. Богуславский так разъясняет интересующий нас вопрос: «Отличие МЧП от международного публичного права касается самого содержания регулируемых отношений. Регламентируемые международным публичным правом носят не гражданско-правовой, а межгосударственный характер. Что же касается международного частного права, то им регулируется именно особая группа гражданско-правовых отношений,

которые имеют международный характер. Это прежде всего — имущественные отношения» [3. С. 9].

В соответствующем разделе своего труда «Содержание международного частного права» автор говорит: «Наша отечественная доктрина исходит из того, что норма МЧП регулирует гражданско-правовые, семейные и трудовые отношения с иностранным или международным элементом» [3. С. 15].

С появлением «иностранного элемента», таким образом, мы можем говорить о международном частном праве. Как отрасль национального права МЧП регулирует международные отношения гражданско-правового характера. Гражданско-правовые отношения становятся международными, отмечал Е.Т. Усенко, «при наличии хотя бы одного из следующих признаков: а) когда в нем участвует иностранец (т.е. иностранный гражданин, иностранное юридическое лицо или иностранное государство) и б) когда оно связано с территорией двух (или нескольких) государств» [22. С. 38].

Другими словами, МЧП — это гражданское право, «обращенное» за пределы национальных границ, а потому вопрос о природе норм МЧП должен решаться прежде всего с учетом характера регулируемых им отношений.

Не случайно из того факта, что предметом регулирования в МЧП являются отношения гражданско-правового характера, исследователи заключали, что МЧП входит в состав гражданского, т.е. внутреннего права, а наука МЧП является одной из гражданско-правовых наук.

Отнесение МЧП к внутреннему праву было поддержано в работах одного из мэтров отечественной науки международного права Е.Т. Усенко и в некоторых других трудах по международному публичному праву: «В современном мире, — отмечал А.П. Мовчан, — существует только два вида систем права: международное право и национальные системы права, а МЧП является частью национальных систем права различных государств» [3. С. 38].

Как правило, и это отмечал в свое время еще С.Б. Крылов, международное частное право разрабатывается прежде всего цивилистами — специалистами в области гражданского права [3. С. 38]. «Международным гражданским правом» называл МЧП известный русский юрист П.Е. Казанский [3. С. 35]. Цивилистический, а не международный характер коллизионного права, поддерживали и другие русские ученые, к примеру, профессор Коммерческого института в Москве М.И. Брун в начале XX в.

Изложенное дает основание утверждать, что нормы МЧП связывают отнюдь не МНПО, а совершенно иные образования: частные фирмы, совместные предприятия (СП), ТНК и их дочерние предприятия, различные международные кредитно-финансовые и страховые учреждения с их представительствами и т.д. Как отмечал М.М. Богуславский, «задачей МЧП является правовое регулирование деловых связей организаций и фирм различных стран» [3. С. 8].

Вполне очевидно, что у МНПО совсем иные уставные цели и источники финансирования (членские взносы, спонсорская помощь, финансирование отдельных программ государствами или межправительственными организация-

ми). И источники международного частного права иные: договоры (контракты о заключении сделок); внутреннее законодательство страны, судебная и арбитражная практика (в ряде стран Запада), обычаи (к примеру, торговые).

Вне всякого сомнения, МЧП (хотя оно всего лишь отрасль внутригосударственного права, «работающая» за пределами национальных границ или национальных границ с «иностранным элементом»), имеет более широкий круг субъектов, чем международное публичное право. Кроме всех общепризнанных субъектов общего международного права: государств [22. С. 40], наций (народов), находящихся на пути к собственной государственности, межправительственных организаций, вольных городов (если они еще где-нибудь сохранились), оно включает в число своих субъектов физических и юридических лиц, перечень которых мы выше лишь обозначили, так как он слишком широк, чтобы пытаться охватить его полностью.

Любая МНПО (как, впрочем, и любая ММПО) как носитель гражданско-правовых интересов и прав может выступать в роли субъекта МЧП. Такая возможность для нее ничем не ограничена, когда она вступает в конкретное гражданско-правовое отношение с тем или иным субъектом данной отрасли права. Во всех других случаях, выражаясь языком спортивных комментаторов, МНПО предпочитает «играть на своем поле», то есть в рамках общего международного права.

К примеру, крохотная МНПО, руководство которой состоит из нескольких человек, с годовым бюджетом, равным размеру минимальной пенсии средне-статистического европейца, чувствует себя в системе международного публичного права куда более комфортно, чем мощнейшая ТНК, имеющая представительства, филиалы, дочерние предприятия в десятках стран мира, с многомиллиардным оборотом, сопоставимым с годовым бюджетом Организации Объединенных Наций и всех ее специализированных учреждений вместе взятых, но действующей, тем не менее, в рамках МЧП.

Главное различие между этими несоизмеримыми в плане финансово-экономических возможностей международными институциями в том, что в деятельности первой их категории наличествует имплицитно присущее их статусу качество — публичность, чего изначально, перманентно и по определению лишены международные хозяйствующие субъекты, каким бы арсеналом средств и экономической мощью они не располагали.

С другой стороны, у МНПО напрочь отсутствует то, что является нервом всей деятельности, целью и смыслом существования второй категории — извлечение прибыли и сверхприбыли участниками предпринимательской деятельности. Вот почему вся жизнь МНПО, вне зависимости от их численного состава, политического веса и значимости, протекает в международном публичном, а не международном частном праве, которое специфическими методами регулирует специфические отношения своих субъектов, в первую очередь и главным образом — имущественные.

В теории права выделяют следующие критерии отнесения тех или иных норм к частному или публичному праву:

– интерес (если частное право призвано регулировать частные интересы, то публичное — общественные, государственные);

– предмет правового регулирования (если частному праву свойственны нормы, регулирующие имущественные отношения, то публичному — неимущественные);

– метод правового регулирования (если в частном праве господствует метод координации, то в публичном — субординации);

– субъективный состав (если частное право регулирует отношения частных лиц между собой, то публичное право — частных лиц с государствами либо между государственными органами) [16. С. 80].

Предметом регулирования МЧП являются «одни и те же отношения, а именно гражданско-правовые отношения международного характера», как отмечал в начале прошлого века А.Н. Макаров [15. С. 120].

Раскрыв любой «Курс международного частного права» [3. С. 114], мы увидим, что его особенную часть составляют следующие разделы:

– право собственности;
– обязательственное право, договор купли-продажи товаров и договор перевозки;

– кредитные и расчетные отношения;

– обязательства из правонарушений;

– авторское и патентное право;

– семейное право;

– наследственное право;

– трудовые отношения;

– международный гражданский процесс.

При самом тщательном рассмотрении здесь очень трудно обнаружить предметы, составляющие основное содержание деятельности МНПО. Нет этого и в общей части «Курса», где речь идет об источниках МЧП, общих понятиях и принципах, прежде всего методах регулирования, учения о коллизионных нормах, национальном режиме и режиме наибольшего благоприятствования, принципе взаимности и других принципах международного частного права.

Учитывая изложенное, думается, что вовсе не для извлечения прибыли и участия в гражданско-правовых сделках создавались такие, к примеру, МНПО, как «Международная амнистия», Всемирный Совет мира, Human Rights Watch или Международный Олимпийский Комитет (МОК), документы которого неукоснительно соблюдаются правительствами всех государств мира, ратифицируются их парламентами, трансформируются в их внутреннее законодательство, включаются в резолюции Организации Объединенных Наций и других универсальных межправительственных организаций.

Если бы международно-правовые документы, принимаемые Организацией Объединенных Наций, Советом Европы и другими межгосударственными организациями, с такой же ответственностью и таким тщанием исполнялись всеми

государствами, как, например, Олимпийская хартия МОК, мир бы давно избавился от многих своих застарелых проблем и болячек.

Другой, не менее яркий пример, показывающий, сколь далеки отношения, регулируемые МЧП, от проблем, решение которых порой выпадает на долю иных международных неправительственных организаций. Осенью 1962 г., во время Карибского кризиса, мир стоял на краю гибели и, затаив дыхание, следил за приготовлениями СССР и США к взаимному ядерному уничтожению (вместе со всем «прогрессивным человечеством» в придачу). Отношения двух противоборствующих сторон зашли слишком далеко... почти до «точки невозврата». Не было на тот момент силы, настолько авторитетной, чтобы помочь двум сверхдержавам достойно разойтись, не ввергая мир в катастрофу.

После долгих раздумий Генеральный секретарь ООН У Тан предложил возложить эту в высшей степени ответственную миссию на организацию, чей политический вес, моральный авторитет и правовой статус в мире были бы непререкаемыми и с чьей посреднической ролью согласились бы противостоящие стороны конфликта. Этой организацией оказался Международный Комитет Красного Креста, которому, после рассмотрения ряда кандидатур, методом исключения, было доверено избавить мир от уничтожения.

Кризис был благополучно разрешен. Вместе с тем он показал, что в момент, когда «холодная война» грозила перерасти в нечто несоизмеримо более опасное, призыв человечества был обращен именно к МККК (МНПО) как к единственной организации, объективность, беспристрастность и международный авторитет которой был признан всеми заинтересованными сторонами: Организацией Объединенных Наций, Вашингтоном и Москвой.

Такой была и остается роль этой МНПО и при разрешении других, пусть менее опасных, но кровопролитных региональных конфликтов нашего времени.

Зададимся простым вопросом: что в деятельности данной конкретной (или любой подобной ей) МНПО есть от сферы, регулируемой МЧП — от «имущественных и, связанных с ними, личных неимущественных отношений»? Мы даже не касаемся здесь международного статуса МНПО со смешанным членством, в которых наряду с национальными НПО участвуют государства в лице своих органов и которые вполне успешно решают, в отведенной им нише, те же задачи, что и ММПО, теми же методами, что и они — посредством международных договоров публичного характера.

Ответ однозначен. Он содержится в самом вопросе. Предмет и характер регулируемых отношений, а не «абстрактные категории» членства международной организации или оторванные от жизни схемы и дефиниции прошлых лет должны ставиться во главу угла при решении вопроса об отнесении ее к субъектам публичного или частного права. Если МНПО успешно справляются с ролью, которую на них во все возрастающем объеме возлагает сообщество государств и ММПО, включая самые влиятельные из них, какой смысл, вопреки очевидным фактам, низводить их статус до уровня самодеятельных кружков по интересам? Ведь поступать таким образом — значит оперировать категориями вчерашнего дня.

Представляется, что настала пора всем нам избавляться от стереотипов, сложившихся в минувшем беспокойном веке, и обратить свой пытливый взор на международную практику дня сегодняшнего. Она, как волшебное «свет мой — зеркальце» и неизменный критерий истины, беспристрастно и верно укажет, в каком случае МНПО выступает как субъект публичного права, в каком случае — международного частного, поскольку какой-то жесткой, раз и навсегда данной, привязки здесь быть не может, учитывая неоднородный состав правоотношений, в которых она задействована.

Подводя итог сказанному, сформулируем следующий вывод: МНПО является субъектом того права (публичного или частного), в правоотношениях которого она может участвовать и участвует. Из этого исходят теория и практика современного международного права. Каких-либо запретов для МНПО в этой части оно не содержит. Напротив, в нем имеются конвенционные нормы, подтверждающие международную правосубъектность МНПО [5. С. 710–712].

Коснемся и национальных неправительственных организаций. Национальная НПО, даже если в ее состав войдут все НПО данной страны, не может претендовать на статус субъекта общего международного права, пока она не «переступит» границу своего государства и не будет задействована в международном отношении публично-правового характера.

С другой стороны, если несколько национальных НПО (или даже если несколько граждан) разных стран создадут международную НПО для участия в отношениях, лежащих вне предмета регулирования международного частного права, то такое объединение изначально будет обладать международной правосубъектностью, которую оно сможет реализовать, участвуя в международных отношениях публично-правового характера посредством сложившихся в данной системе отношений методов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абашидзе А.Х., Урсин Д.А.* Неправительственные организации: международно-правовые аспекты: Учеб. пособие. — М.: РУДН, 2002.
- [2] *Аннан К.* Проблема вмешательства: Выступление генерального секретаря ООН. — Нью-Йорк, 2000
- [3] *Богуславский М.М.* Международное частное право: Учебник. — М.: «М/О», 1994.
- [4] *Галенская Л.Н.* Энциклопедия международных организаций. — СПб.: 2006. — Т. 2.
- [5] Европейская конвенция о признании правосубъектности международных неправительственных организаций 1986 г. // Международное публичное право: Сб. документов. В 2-х ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.
- [6] *Карро Д., Жюйар П.* Международное экономическое право. — М.: «М/О», 2002.
- [7] *Кольяр К.* Международные организации. — М., 1978.
- [8] *Кудинов О.А.* Международное публичное право. Курс лекций. — М.: Изд-во Ось-89, 2007.
- [9] Курс международного права (в 6 т.). — М.: Наука, 1967. — Т. I.
- [10] *Лебедев С.Н.* О природе международного частного права // СЕМП, 1979. — М.: Наука, 1980.

- [11] Лукашук И.И. К вопросу о соглашениях, подобных международным договорам // Советское государство и право. — 1960. — № 12. — С. 91–96.
- [12] Лукашук И.И. Современное право международных договоров. — М.: Волтерс Клувер, 2004. — Т. 1.
- [13] Лукашук И.И. Стороны в международных договорах. — М.: Юрид. лит., 1966.
- [14] Луниц Л.А. Курс международного частного права. В 3 т. — М., 1973–1976.
- [15] Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. — М., 1924.
- [16] Малько А.В. Теория государства и права в схемах, определениях и комментариях: Учеб. пособие. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
- [17] Международный Комитет Красного Креста. — М.: Изд-во МККК, 1999.
- [18] Морозов Г.И. Международные организации. Некоторые вопросы теории. — М.: Мысль, 1974.
- [19] Нештаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. — М.: Дело, 1998.
- [20] Общественность и проблемы войны и мира. — 2-е изд. — М., 1978.
- [21] Перетерский И.С. Международное частное право. — М., 1924.
- [22] Усенко Е.Т. Очерки теории международного права. — М.: Норма, 2000.
- [23] Федоров В.Н. Организация Объединенных Наций и другие международные организации и их роль в XXI веке. — М.: Логос, 2007.
- [24] Шibaева Е.А., Поточный М. Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций. — М.: Изд-во МГУ, 1988.
- [25] Lukashuk I.I. The Legal Nature of Resolutions of International Organizations // The Banaras law Journal. — 1970. — № 1–2. — P. 165–172.
- [26] Spiro P. New global communities: non-governmental organizations in international decision making institutions // Washington Quarterly. — 1995. — 18 (1).

INGO – SUBJECTS OF INTERNATIONAL LAW: PUBLIC OR PRIVATE?

Kh.M. Dzhantaev

The Center for Research into Economic Problems of the RAS
Council for the Study of Productive Forces (CSPF) of RAS
7, Vavilova st., Moscow, Russia, 117997

Leaning against works of leaders domestic civilists and corresponding international legal documents of last years, the author opens character and the nature of the relations regulated by so-called conflict norms of the international private law. Then compares them to the legal relationship making a subject of activity of the international non-governmental organizations. Such approach allows it to result weighty arguments in favor of their international legal personality.

Key words: international public law, international private law, NGO, INGO, legal subject, «foreign element», civil-law relations, conflict norms, multinational corporation, financing sources, sources of financing of activity.